

Борис ЧЕРНЫХ

РУССКИЙ БЕРЕГ

Разногласия отклики начинают доходить до меня в ответ на первые публикации о прошлогодней Амурской экспедиции. Прокоммунистические газеты срываются до истерических воплей, газеты умеренной ориентации пока выжидают, и были добрые отзывы по телевидению и радио. Наверное, многоголосие и должно быть. Но одна некорректность беспокоит меня. Руководитель Амурской экспедиции упрекают в том, что он утаил итоговую Записку, осенью прошлого года направленную Сергею Шахраю (вице-премьеру правительства и куратору казачьих земель), Николаю Медведеву (начальнику Управления по работе с территориями России) и Владимиру Полеванову, губернатору Амурской области. Однако итоговая Записка опублико-

вана в журнале «Посев» (N 2, 1994 год). Я мог выбрать для публикации другой журнал, но предпочел «Посев» из-за его безупречной русской ориентации, а также потому, что «Посев» вынуждены читать чиновники высшего ранга (не мытьем, так катаньем достать их).

Серьезным доказательством того, что жаждущие истины могли ознакомиться с Запиской, является прочтение Записки А. И. Солженицыным еще там, в Соединенных Штатах Америки. «Русский берег» (таково название не только дневниковых моих публикаций, но и Записки) внушил Александру Солженицыну тревогу, и пока это лучшая оценка итогов экспедиции... Посему поведем далее.

В предыдущем очерке я рассказал, как, оставив борт «Палтуса», мы посетили город Свободный. То малая дань — малой родине. За кадром остались колоритные персонажи и интересные события. Строго говоря, город Свободный достоин особого документального полотна, и в 9-й средней школе уже подрастает будущий историк, который сподобится на этот труд. И когда он сядет к столу... когда Ты сядешь к письменному столу, мальчик мой, прошу Тебя — не минуи темы свободненских старожилов. Один старик — Василий Емельянович М-в стоит поэмы. Когда я был отроком, я спросил Василия Емельяновича, почему он не вступил в самую передовую коммунистическую партию. Попыхивая папирусской, Василий Емельянович зорко посмотрел на меня и отвечал: «Боря, голубчик, я всю жизнь работал бухгалтером, и мало того, что знал всю подноготную, — на моих глазах, за перегородкой, шли ежемесячные собрания коммунистов. И я дал себе слово никогда не иметь ничего общего с коллективным безумием. Лучше сходиться с ума в одиночку», — согласитесь, это сокрушительная речь для Свободного начала пятидесятых годов.

Последним деянием Василия Емельяновича (на 9-ом десятке лет!) было дотошное, с карандашом в руках, прочтение «Архипелага ГУЛАГ» А. Солженицына.

— Теперь им уже никогда не отмыться. Приговор окончательный и

обжалованию не подлежит, — сказал старик.

У меня не было отца (отец умер после ссылки в 1938 году, когда я был сосунком), — но у меня был Василий Емельянович Марков (назову его имя, хотя не испросил разрешения у старца). У меня был военный топограф Владимир Михайлович Питухин, сто томов мировых географических исследований, а теперь — поминально — книги топографа, изданные московской «Мыслью», хабаровским и одесским издательствами. На письменном моем столе лагорифмическая линейка и прибор с гусиным пером — питухинские. У меня была учительница Тина Евсеевна Ларина, математик, далекая от политики. Тихая. И святая. Тина Евсеевна, я помню о Вас ежедневно, как хорошо, что Вы кротко смотрите на меня издали. Математиком я не стал, увы...

Мне кажется, украшением улицы Шатковской, да и города, слыла белозубая Васильевна, казачка, знавшая старинные русские песни. Моя мама. А полячка, травница, к которой тайно ходили хворые, и она, зная, что могут донести, ставила на ноги безнадежно больных. Она и меня спасла в раннем детстве. Врачи отказались спасать, полячка спасла.

Я не успеваю рассказать о вас и, боюсь, не успею. Э, да один Толя Фатеев, классный пилот и механик, достойн книги. Нынче он живет напротив церквушки, вдыхает запах укропа с огородных гряд и вспоминает мину-

ты ослепительного былого...

Но вернемся в Буссе, станицу, названную в честь Николая Буссе, первого военного губернатора Амурской области. Незаурядный человек! Его высоко ценил Муравьев-Амурский. Слава Богу, не стерли хотя бы имя Буссе с карты (а должны были — царский генерал).

О Буссе географ Г. Грум-Гржимайло сто лет назад вот что записал (называя Буссе поселком): находится «в местности, совершенно безопасной от наводнений. Дворов 45, зданий 61, жителей 332 — казаков, поселившихся здесь в 1872 и 1873 годах. В поселке есть церковь, школа с 20 учащимися, хлебный магазин, питейное заведение, 15 конных мельниц и почтово-телеграфная станция. Земли в пользовании казаков 1730 десятин, в том числе усадебной с выгоном — 516 десятин, пахотной — 380, покосной — 700. Под ярицей 61 дес., яровой пшеницей — 60 дес., овсом — 78 дес., ячменем — 21/2, гречей — 161/2 десятин. Скота казаки содержат: лошадей — 460 (из них 340 рабочих), рогатого — 370 (коров 223, волов 9), свиней — 98».

По справке Г. Грум-Гржимайло можно представить средний прожиточный уровень семьи или двора, коли в среднем на двор приходится на 7,7 голов рабочих лошадей (правда, с молодячком), по 2,6 верховых лошадей и по 38 десятин земли, — но всякое среднее ускользает в противоречивые

подробности. Так марксисты, оперируя средними статистическими выкладками, пытались доказать в конце прошлого столетия всеобщую бедность русских. Но у казаков и тогда, а позже тем более, не было бедных. Казацкие общины не позволяли пасть семье, если на войне или на охоте погибал глава семьи. То самое классовое расслоение, в коем блудили, (и наблудили) социал-демократы, — для казачества вообще не характерно. Суровый быт, могучее предание, высокое понятие чести (прежде всего личной, а следом и общинной, воинской) — в таком «вареве» воспитывались казаки с детских лет. В казачьих станицах считалось зазорным кичиться нажитым добром, это было второстепенным, добро, но — оружие, конь, выучка, выносливость, солидарность были суть главные ценности. А сверх того идеология — вера в Царя и Отечество, вера в Бога — делали казаков лучшими в мире бойцами. Но речь мы завели о другом. Что есть прожиточный уровень? В годы так называемой «революционной ситуации» нищая Россия занимала седьмое место в мире по уровню благосостояния. Плохо это или сносно? Марксисты кричали, что народ погибает, и оголтелой пропагандой звали народ «грабить награбленное». Результат? Извольте. В 1980 году Россия занимала уже 57 место в мире по уровню благосостояния. Между прочим, цифры эти я взял в журнале «Политический

собеседник» за 1991 год, журнал издавался Амурским обкомом компартии...

Ныне в Буссе 176 дворов и 450 жителей. Церковь уничтожили, она морально-де разлагала народ. Уклад совхозно-колхозный извел лошадей, в индивидуальном владении осталось всего две лошади. Зато держат 180 коров (правда, с молодячком), поголовье свиней ничтожно, 65 голов. Много, естественно, техники, но она вся сосредоточена в ТОО «Петропавловское» (ТОО — означает товарищество с ограниченной ответственностью, смехотворное понятие, уж сразу бы и сказали — товарищество с безграничной безответственностью), и Буссе тоже входит в это пресловутое ТОО.

Переселенческие волны еще до Горбачева занесли сюда татар, узбеков, башкир, азербайджанцев, но есть и недавние беглецы из горячих точек СНГ. Живут — не ссорятся, но инородцев приводит в негодование русский разгул.

Мы обошли десятка два дворов, беседовали с жителями. Смутила разноречивая оценка некоторых должностных лиц, призванных в эпоху драматических перемен быть опорой порядка и порядности. Местный начальник воспользовался вольготными обстоятельствами, привозит на служебной машине ящиками водку, торгует из-под полы по бешеной цене. От встречи с нами спрятался.

Но мораль этого человека выдала его жена, хищная особа и свехосторожная, но когда мы заслали к ней буссевского мужика, она не устояла от соблазна и продала две бутылки по 3,5 тыс. рублей за бутылку, по курсу лета 93-го в полтора раза дороже выше номинальной, если бы водка продавалась в магазине. А магазин первоначально пуст. Нет никаких жиров. Перебой с постным маслом. Беден выбор промышленных товаров. Зато коммерсанты в эти дни устроили прямо на главной улице богатую барахолку.

В Буссе мы впервые столкнулись с абсолютным отсутствием лекарств. Потом, когда в городе Свободном я беседовал с главным врачом районной больницы Александром Иннокентьевичем Малышевым и сказал ему, что хворые в станице бедствуют, главврач не удивился и подтвердил: да, плохо стало с поставкой даже примитивных медицинских препаратов. Кстати, на свободненских докторов вывела меня буссевская беда. У скотника Валерия Александровича Макарова сын вернулся из армии с разбитой селезенкой. Дедовщина. Офицеры-командиры скрыли причину тяжелой травмы, назвали ее «бытовой», комиссовали парня и с глаз долой. Не имея врачебной помощи, парень погибает. Свободненские врачи заверили меня, что они немедленно госпитализируют солдата и подлетят в сносных городских условиях.

РЕЗОНАНС

«Прошу поместить без сокращений и

Рассерженный Борис Черных в статье «Имени Цесаревича» в «Зейских огнях» N 122 за 22 сентября 1994 г. из-за своей злобности к Советской власти допустил целый ряд искажений истории:

1) Он пишет, что большевики использовали памятник, основанный «отцами города», в своих целях, нацепив на него красную звезду и табличку с надписью: «Партизанам и красногвардейцам...» Это совершенно не так. Он перепутал 2 разных памятника — памятник основанию города, который по решению общего собрания горожан был взорван в марте 1917 года, и в разрушенном виде он был до 1967 года.

В год празднования 50-летия Советской власти он восстановлен. Никакой звезды на нем никогда не было.

А памятник борцам за советскую власть, построенный на средства партизан в 1937 году, сначала был с пятиконечной звездой (в музее имеется фотография монумента, его открытия в октябре 1937 года).

В 1938 г. вместо стелы

установлены скульптуры партизан.

И в 1945 г. ни на одном памятнике звезды не было, никакие таблички никто не менял.

Как же он, так «нежно любящий» свой город, не приметил второго памятника?

2) Автору следовало бы знать, что в музеях экспозиции оформляются только в хронологическом порядке событий и только документально, а не высказываниями своих позиций. А по нему смешивать события времени гражданской войны и 30-х годов, а тем более только на словах, — безграмотно.

Я вела большую переписку с архивами страны для оформления экспозиции событий 30-х годов; в результате в ней показаны: фотографии невинно репрессированных и их документы о реабилитации живущих сейчас свободненцев: Краснянского М. А., Константинова А. А., Шишкова Г. С., Бочкарева И. И., Елифанцева Е. В., а также ушедших из жизни Афонина Ф. М., Забелина К. А., Миллера В. П. и др.

Копии протоколов допра-

Авербаха Л. В., присланные Омским архивом, воспоминания П. Садовского, работавшего по найму в системе лагерей более 20 лет. Схема расположения лагерей, фотография одной из зон и другие материалы дают представления, хотя и неполные, о белых пятнах нашей истории.

В экспозиции имеются и документы Томского архива о прохождении коллективизации в нашем районе в 1937-1938 гг.

И обвинять меня в том, что я оправдываю репрессии, бесосновательно. Это ложь.

Репрессии невинных людей — это трагедия в нашей истории. Это факт.

Но недовольные советской властью были во все ее времена. Они пробирались в партию и изнутри разрушали ее.

В период подготовки к первым выборам в Верховный Совет СССР в 1937 году только по Амурской ж.д. было подожжено 12 избирательных участков, в т. ч. и М-Чесноковский клуб. О своем враждебном отношении к советской власти многие теперь говорят открыто, считая это своей заслугой. Это тоже факт.

Это разные понятия, и смешивать их можно только из-за непонимания.

3) Ф. Н. Мухин — не самозванец. Он избран на IV областном крестьянском съезде 25 февраля 1918 года председателем облисполкома Совета депутатов, погиб от рук японских интервентов.

Как же можно так огульно осквернять человека, отдавшего свою жизнь за народную власть?

Б. Черных не нравится, что бывшая Николаевская улица носит имя большевика С. Шатковского, убитого белогвардейцами на этой улице, и безапелляционно заявляет, что скоро мы исправим эту оплошность. Кто это «мы»? Кто такой Б. Черных, чтобы переименовывать улицы нашего города?

Сколько злости и ненависти у него к людям, посвятившим свои жизни не для себя, а для людей: придет в город, осквернит его своими «ценными» указаниями и снова исчезает до нового появления, а нам, «бездельникам», только и остается претворять в жизнь его «мудрые» указания.

Он обвиняет даже Попо-

ва Н. И., столько сделавшего для города бескорыстно, бесплатно.

Создавая городской общественный музей, он собирал материалы об истории города и назвал количество школ, церквей, библиотек и домов терпимости в дореволюционном городе.

Какое отношение имеют эти данные к событиям 30-х годов, чтобы издательский утверждать, что Попов Н. И. любит вспоминать о домах терпимости?

4) Н. А. Френкель был начальником строительства Байкало-Амурской магистрали (когда строились вторые пути от Карымской до Уссурийска). При управлении БАМЛага был так называемый 3-й отдел, который управлял лагерями и был грозой лагерников. Его начальником был некий Шедвид (по воспоминаниям П. Садовского). Это был жестокий человек. (Начальники лагерей и лагунктов часто менялись). Был ли Френкель Н. А. развратником — не знаю. Это надо доказать. И если у Б. Черных нет других дел, пусть займется этой исследовательской работой.

По убеждению Б. Черных, в лагерях тех лет отбывали срок только невинные. А это

не так. Отбывший срок по политическим мотивам Горелов в своей книге, хранящейся рукописи в нашем музее, пишет: «Самое страшное для нас, «политических», было то, что мы жили в одних бараках с уголовниками, получившими срок за тяжкие преступления (убийство или грабеж)».

Б. Черных возмущен даже тем, что В. В. Юрченко до сих пор жив и благополучно живет в Днепрпетровске.

5) О патриотизме А. Е. Падалко. При всем моем уважении к его таланту художника, большим патриотом города я бы не назвала, и прозябающим тоже.

За отливку фамилии погибших свободненцев в годы Великой Отечественной войны у памятного мемориала к 40-летию Победы он получил приличную сумму по тем временам. А Николай Иванович Попов, который несколько лет в свое свободное время выписывал фамилии в военкомате, вел переписку с архивами, родственниками погибших, т. е. подготовил все материалы для увековечения земляков, — получил СПАСИБО! И он не обижен, доволен тем, что сделал доброе дело для потомков.

Интересная беседа была с бригадиром животноводов Виктором Ивановичем Салабаевым. Он стал вспоминать общинные традиции в казачьих станицах, сравнивать с современным духом властей последних десятилетий (подчеркиваю — десятилетий, не последних смутных годов). Ремонт дорог или колодезь; заготовка сена, оборона от волчьих стай, помощь погорельцам — истоду был лад, отлаженный столетиями.

— Да откуда вы родом, Виктор Иванович?
— Из донских казаков, — с достоинством отвечал Салабаев, и прогоревшие усы раздвинула слабая улыбка.

У Салабаева в семье четверо детей. Старшему Ивану 23 года, Сергею — 17, Евгению — 13, а Катерине — 8 годков. С таким подлеском Салабаев готов выйти на хутор, к тому же он шофер и комбайнер. Но где законы, которые оберегут его от автратных реставраторов коммунизма? «Вы думаете, возможна реставрация?» — «Да все как было, так и есть. Земли у райкома не выпросишь, — он, видимо, оговорился, — оговорился со смыслом, — а сыновей угонят черту на кулички слушать в армию, а сюда, на стазу, чужих пригонят».

Салабаев против частной собственности на землю. Наследование земли — да, но без права продажи. Иначе мафия приберет землю.

— А колючую проволоку с берега содрать пора, — сказал мужик, — вернуть казачьи привилегии, заачество мигом поднимется.

Голос Салабаева ублажил меня. Но вот голос капитана Павла Александровича Аверина, заместителя начальника пограннаставы:
— Я понимаю, унижаться жить за колючей проволокой, и мы немедленно разберем заплот, если будет приказ. — «Если будет приказ». Похоже, они не собираются устроиться себе жизнь, и приказа не будет. Пока глава государства не призовет. Но они сумеют и

главе государства внушить, что эта тонкая ниточка проволоки оберегает покой России.

Кто они? — «Они». В верховой станице я записал монолог бывшего пограничника, подполковника Н., не решаюсь назвать его имя, хотя его не смущала моя подробная запись его монолога, и он не оговорил тогда — «не называйте имя».

— В училищах погранвойск искажена система нравственных ценностей. Опора на народ разрушена, да офицеры в своем большинстве люди невысокого интеллекта, охранники, одним словом. Им внушают, что прежде всего они носители ограничений и что они должны внушать страх. Недоверие к своим — это и есть концепция пограничной службы. Притом система «доверенных лиц», агентуры — колоссальный охват слежкой собственных граждан за гражданами. Вы где-нибудь читали об этом? Вот видите, не читали, ибо это тщательно скрывается от нас. Но это и есть будни офицера погранзащиты. Вот они — китайцы — вдруг вломятся, мы вынуждены будем отойти. А когда вернемся, наши гражданские осветомители сообщат нам, кто как себя вел при оккупантах. И тогда... Хороша философия!..

Монолог отставного подполковника я припомнил и поднял из тетради походной тотчас, когда следом за капитаном Авериним в гостях побывал комендант участка подполковник Владимир Васильевич Козлов, и я услышал из его горячих уст:

— Знаете ли вы, что районные власти повсеместно выступают с ходатайствами о заграждениях по реке Амур? Почему? Да потому что власти осознают — если мы откроем границу, мафия одного государства сольется с мафией другого государства. Тогда нам уже никто и ничто не поможет. — Речь В. В. Козлова сильно поколебала меня. Уже в Благовещенске я видел, сколь разнузданно ведут себя китайцы.

Продолжение следует.

комментариев!»

Сейчас, когда подготовлены дополнительные списки на более 1,5 тысяч человек, требуется еще 10 подполков. За такую работу Алексей Егорович потребовал 15 млн. американских долларов (вот это патриот!). На предлагаемых им эскизах герба г. Свободного он заносит или цени, подчеркивающие, что в городе был БАМЛег, или Байкопур (будущий). Вот это символы! (А ведь герб-то — символ, гордость города).

Серп и молот с колосьями — символы его не устраивают. Символ единения трудового народа — ему не по вкусу.

Его предложение — вместо скульптуры В. И. Ленина установить фигуру пса-визжа Алексея — считаю неосуществленным.

И в заключение у меня вопрос к редакции газеты «Зейские огни» — поборщете плюрализма: когда присвоили звание «Почетный гражданин города», Жукова посвятила этому званию целую полосу. Ах, какая я тогда была хороша! И, ах, какая я теперь плохая, незаслуженно нося это звание (впору хоть

отдавая ленту А. Е. Падалко или В. Черных).

Что случилось? Не потому ли, что у меня другие взгляды на происходящее? Что я не перекрасилась и не продаюсь? Что я осталась истинным коммунистом?

Н. И. Попов ведь тоже из репрессированных, его отец был осужден «тройкой» и умер в тюрьме от голода. А сам перенес все прелести спецпоселения.

Но у него нет ни малейшей озлобленности на советскую власть, был и остался на коммунистических позициях, для советских людей был и остался товарищем, а не господином. Он грамотно анализирует ход событий нашей истории со всеми ее плюсами и минусами.

А желающих посмотреть, как живет процветающая Денисова К. С. — приглашаю в гости, даже прозябающего А. Е. Падалко, и В. Черных, и журналистов газеты, поддерживающих автора.

К. ДЕНИСОВА,
директор Свободненского музея.

РЕКЛАМА * ИНФОРМАЦИЯ * ОБЪЯВЛЕНИЯ

Продолжается подписка на 1-е полугодие 1995 года на газету СВОБОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЗОНЫ

«Благовещенск — Хэйхэ»

«БЛАГОВЕЩЕНСК»

Быть подписчиком газеты выгодно:

1. В розницу цена на газету в связи с инфляцией растет, для подписчиков она будет постоянной.
 2. Все программы телевидения (1-я программа, канал «Россия», 3-я программа, Арт-видео, 5-й видеоканал) — обеспечим.
 3. Газета даст компетентный ответ на любой ваш вопрос.
 4. На льготных условиях вы можете воспользоваться услугами страховых компаний «АмурДАСК», «Дельфин».
 5. Подписчик имеет право один раз дать объявление в газету бесплатно.
 6. С нашей помощью вы сможете разместить свою рекламу в газетах «Реклама-Ревю» (Россия), «Коммерческие приложения» (регион), «Комсомольская правда» (субботный номер), «Аргументы и факты» на условиях редакций этих газет.
 7. Мы — участники всех амурских ярмарок. Для производителей товаров, для продавцов и покупателей мы предоставляем газетную площадь для рекламы.
 8. Газета «Благовещенск» формально городская, но имеет подписчиков во всех городах и районах области.
 9. Только читатели нашей газеты могут быть достаточно информированы о деятельности администрации и городской Думы областного центра.
 10. В нашей газете имеется постоянный раздел для садоводов и огородников.
 11. У нас вы можете оформить заказ на издание листовок, афиш, плакатов, буклетов и брошюр.
- Подписаться на нашу газету можно в любом населенном пункте Амурской области.
- Стоимость подписки на 1 месяц — 1666 рублей, на 3 месяца — 4980 рублей, на 6 месяцев — 9960 рублей, индекс — 50423.

Наш адрес: 675000, г. Благовещенск, ул. Калинина, 126, 1-й этаж, кабинет 104, телефон 5-32-63.

Свободненский филиал «Агентство по торговле недвижимостью»

имеет в продаже 4-, 3-, 2-комнатные квартиры в различных районах города, дома в северном микрорайоне, п. Ударном, д. Черновка, с. Чембары, с. Н. Бузули с большими участками земли, дачи и дачные участки в Юхте, в районе аэропорта, гаражи в центре города, земельные участки под строительство в центре города. Мы в короткий срок подготовим комплект документов, необходимых для заключения сделки купли-продажи, проследим за безопасностью денежных расчетов. Принимаем для продажи квартиры, дома и другую недвижимость на ваших условиях. Цены продажи, форма и вид оплаты назначаются вами. Купим квартиры новой планировки в центре города. Наш адрес: г. Свободный, ул. К. Маркса, 16, каб. 29, тел. 2-66-77.

Всем донорам, имеющим удостоверение «Почетный донор», с 8 ноября по 18 ноября 1994 г. явиться в ОПК ЦРБ по адресу: ул. Луговая, 7, для обмена данного удостоверения на удостоверение «Почетный донор России» с соответствующими льготами. Иметь при себе паспорт.

Торговый дом реализует

стиральные машины с центрифугой по цене 275 тыс. рублей.

Адрес ул. Ленина, 92.

Поздравляем!

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ!

ГЕЕВСКОГО Георгия Тимофеевича с юбилейным днем рождения!
Желаем крепкого здоровья, бодрости на долгие годы.

Коллектив орс АО «АРП».

С ДНЕМ СВАДЬБЫ!

Дорогих детей Римму и Валерия поздравляем с днем свадьбы!

С законным браком поздравляем, любви и счастья вам желаем! В отдельной собственной квартире, чтоб из нее звучал для всех и ваш, и звонкий детский смех. Живите весело и дружно, имейте все, что в жизни нужно, храня любви закон святой до самой свадьбы золотой.

Родители, брат Георгий, сестра Ольга и Настенька.

ЖИЛЬЕ

Меняем

1-комнатную квартиру улучшенной планировки в районе ст. М-Чесноковская на равноценную в городе. Тел. 7-81-85.

2-комнатную кв. в центре на 1-комн. в центре или продам. Обр.: ул. Ленина, 59, кв. 29 (после 17 час.).

2-комнатную приватизированную кв. (5-й этаж, гор. вода, без балкона, 31,7 кв. м) в г. Краснокаменске Чит. обл. на равноценную или 3-ком. с доплатой в г. Свободном. Обр.: г. Свободный, ул. Ленина, 63, кв. 23, тел. 2-27-03.

Продаем

дом по ул. Бульварной, 101. Обр.: ул. Орджоникидзе, 46, кв. 56.

дом (половину дома можно под дачу), два аквариума. Тел. 99-6-38.

Сдаем

в аренду дом 6х7 в центре. Тел. 91-8-08 (после 14.00). В субботу, воскресенье обр. по адресу: пер. Прокатный, 5.

1-комнатную благоустроенную квартиру в районе ул. Репина. Предоплата за год вперед. Обр.: ул. 40 лет Октября, 83, кв. 4.

2-комнатную квартиру в аренду. Тел. 7-23-50.

Куплю

1-, 2-комнатную квартиру в центре города. Телефоны: 2-24-24, 2-31-04.

ПРОДАЕМ

кирпичный гараж в районе центральной котельной. Обр.: ул. Комсомольская, 126, тел. 5-11-32.

коттедж в центре города, недорого, возможен обмен на Благовещенск, автомобиль ЗИЛ-131. Телефон: 2-25-76, 2-04-41 (в любое время).

Предлагаю наладку и мелкий ремонт любых швейных машин. Обращаться: ул. Островского, 4, кв. 2, или в киоск «Алена» (рядом с магазином № 11).

Дом офицеров сдает в аренду помещения под офисы, магазины и оказывает гостиничные услуги. Телефоны: 2-16-15, 2-16-16.

В районе стадиона «Торпедо» 2 ноября пропал дог (8 месяцев, окрас серый, на строгом ошейнике и цепочке). Знающего его местонахождение или нашедшего просьба вернуть за приличное вознаграждение. Телефоны: 2-46-19, 2-47-71.

Дам в долг денег под 50 процентов в месяц под залог. Обр.: Главпочтамт, уд/л № 181732.

6-17 ноября 1994 г. в здании городской поликлиники организуется прием специалистами протезно-ортопедического предприятия.

Филиал страховой фирмы «Росгосстрах-Примамурье» сдает в аренду часть административного помещения под офис с телефонами, в центре города. Наш адрес: ул. Шатковского, 45, тел. 2-32-00.

Коллектив ТОО «Дмитриевское» извещает о преждевременной смерти механизатора СРЕЛЬЦОВА Николая Егоровича и выражает искреннее соболезнование родным и близким покойного.

Районо и РК профсоюза работников образования выражают соболезнование Шичко Леониду Леонидовичу, учителю Семеновской школы, по поводу смерти его отца.

Борис ЧЕРНЫХ

РУССКИЙ БЕРЕГ

Из путевых тетрадей

Окончание.
Начало в N 135

ло много привозной рыбы, лучших сортов. Но сказывалось ли на станции не далее присутствие города с его трагической судьбой, да, но и с устоявшимся бытом, с культурой?

Старики отвечали, что ранее, при плохих дорогах да на лошадях не наездишься «за культурой». А теперь оно и ни к чему. Молодые приезжают в Свободный в базарные дни и погулять по асфальту... — суровый взгляд. И резонный. Город предстает всего лишь самушителем (местное слово), и только...

Петропавловка стоит нашего внимания ввиду полной социальной обрванности. Издалека я бы не поверил, что такое возможно (хотя в Сибири в пору борьбы с «неперспективными селами» видел подобное, но, будучи молодым, не осознавал до конца драматичности ситуации). В Петропавловке закрыт магазин, закрыта почта, школа закрыта. Телефон отключен. Автобус и тот отвинут — ранее добегал до села прежде, чем идти в райцентр, а сейчас жителям надо добегать с ведрами и сумками до перекрестка, а там иной раз и не посади, мимо проскочат.

А еще в Петропавловке живучи страхи. «Китайцы вырежут всех, и уже идут убийства», — подтвердить эти слова Фаины Васильевны Загоруйко фактами нельзя, но разубедить ее я не смог. Но есть смысл понять эту женщину, которая убеждена, что жизнь ее и жизнь ее родителей (отец учительствовал) прошла незря, больше того — возвышенно прожита. Глядя на нее, в посконной одежде, я невольно вспомнил пютчевские строки:

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит

В наготе твоей смиренной,
и по всему берегу русскому не раз сердце шемило, я жаждал его рукой, чтобы не расплакаться. Нищие, брошенные государством, из-за колючей изгороди смотрящие на нас кротко и даже не вопрошающе зачастую, а, может быть, сквозя нас. Они навывлет бьют меня, а я, как кукла заводная, открываю тетрадку и пишу, пишу. Кто услышит нас, родимые?

Но память обязывает меня и моих спутников не забывать прошлое. Прошлое было здесь, или уже и прошлого не было? Вот эти сухие строки из столетней

давности экспедиционных отчетов — хотя бы. Но сколько осталось свидетелей трепетных, сколько лиц из прошлого смотрят на нас оттуда. Вы скажете: память — удел избранных. Пусть так. Но если избранные помнят — нация жива...

Сразу за Петропавловкой, в Бибикино, некогда входившем в Екатеринбургский станичный округ, меня поразил рассказ Андрея Дмитриевича Бронникова, потомственного казака, о той жизни, далекой и почти оглохшей, будто ее и не было. Но вот крепкая вязь его слов, не вычитанных им, не подслушанных, а потаенно сохранившихся в уголке старого сердца, и многое перепуталось, как нити в клубке, что хранился в чулане много лет, да уж и выбросить было хотели, и не раз, но всякий раз было жалко.

— Тут-то плавал гудок сильный, «Дунаем» звали, почтово-пассажирский на 120 тонн груза в трюм и 100 человек по каютам (прошу прощения за цифры, называемые мной циферно для кратости, — Б. Ч.). Ходили заднеколесные, потом их поименовали (переименовали, — Б. Ч.) «Муром» и «Краснофлотец», еще «Лазо» и «Батрачки». Раз я ходил в китайскую сторону, там встретил повара Василия Ивановича, ага, китайца, с «Батрачки». Китайцы тут-то арендовали землю под опиум. Агют на циновки, дышат. А циновки теплые потому, что на канах лежат. Канаыто — из киррича, низкие дымоходы. Они угреются и всю зиму курят опиум... А у нас работы, в Бибикино, куда бежать было. Дрова заготавливали для пароходов, ох, они и прожорливые (не на угле, на дровах, — Б. Ч.). Еще деготь и смолу гнали. В кухне — кого тебе надо скуют. Колыба? На колыба. Подковы? На. Болты? На болты. Тягу надо? (Металлическое зено, связующее оглобли с санями, — Б. Ч.). На тебе тягу! Сильная тяга шла на сани-груза. А то на кошевки для выезда. Шесть человек падут (упадут, съдут, — Б. Ч.) — и айда. У нас и пролетки на резиновом ходу водились, двухосевые, рессоры мягкие... Работы, куда бежать. Никто опиум не курил, стеснялись. А унты не стеснялись, сами делали. Ичиги. Нога-то спит в ичиге. Вот и работала. Че не работать, когда нога спит. А берег и земля береги чистые, чтоб босиком летом ходить. Теперь пройдишь! Колычку путают и под мост, и весь берег упутали...

Отец его, Дмитрия Михайловича, большевики взяли в 37-м году и забыли вернуть. Так мне сказал Андрей Дмитриевич: «Забыли вернуть». И брата взяли, но опомнились и вернули. Тоже он сказал.

Тема репрессий сама собой всплывает в нашем путешествии, еще не отболело и, наверное, не отболит. Наши истории с удовольствием ходили по Бибикино, в тенистых деревьях, но благодать не снизошла и на них, потому что дети погибших не могли не вспомнить родителей. Надо бы в архивах гбэстских найти имена бибикинцев (например, Степана Жданова или Ивана Тонких, взятого еще в 33-м году), и надо не позволить современным интерпретаторам в очередной раз изолгать историю.

У меня случился разговор с группой молодых парней, женатых, все они были с новенькими автомобилями и на мотоциклах. Были здесь и жены некоторых. Пойдете ли на хутора? — спросил я. — Сильные, молодые, при технике. Земли много, природа богатая вокруг. Нет, — отвечали мне без паузы, как уже вырешенное ранее, — пусть бу-

дет снова совхоз, этим гарантирована зарплата. — Но если совхоз по всем статьям убыточный, где гарантии зарплатные и премиальные? — Пусть государство ссужает, если хочет иметь хлеб и мясо. — И вас устроит, что не устраивало ваших прадедов и дедов, они не хотели идти в колхозы, там все чужое, и вы там наемные? — А нам и не нужно наше, да у нас никогда и не было нашего. — Неправда, было (я показал фотокопию из Грум-Гржимайло, в походе у нас всегда под рукой имелись эти свидетельства). Вот так, — сказал я, — жили ваши прадеды. — Ну, это их дело. — Да. А когда ваши внуки про вас скажут «это их дело», что тогда?

Парни дружно сели в седла и разъехались, убежали. Не отчаиваясь, я пошел по станице один. Вечер, старики на скамейках, я пытался подсаживаться, но все мои собеседники, будто по стовору, были навеселе, хотя никакого праздника на дворе, день будний. Но судьба все же смилостивилась и послала неожиданный подарок. Я встретил братьев Бронниковых — Александра, Андрея и Сергея. Это внуки Андрея Дмитриевича Бронникова. Чаевничая у их родителей, я смотрел быт семьи, продуманный и опрятный. Было видно, что семья дружная и... насмешливая, улыбочивая. Потом примчалась бравья: чумазы, белозубые, с хохотом хлопаясь под ковшами ледяной воды.

Оказалось, братья вышли из так называемого коллективного хозяйствования, вытребовали землю. Взяли в аренду... озеро Сандон. Озеро небольшое, на две тысячи квадратных метров. Запущенное, конечно. Они привели его в божекий вид и сделали рыбным. Техника есть. И рысистая кобыла. «Какая кобыла?» — спросил я недоумленно. «Верховая», — отвечал средний из братьев, Андрей. Зачем? А чтобы пешком по лугам не ходить и машиной луга не портить. «А ты в седле усидишь, если кобыла рысистая?» — «Поедем, покажу». — «Так уже темно на дворе». — «Не забудимся».

Мать с улыбкой наблюдала, как мы умасивались вчетвером на мотоцикле с коляской и на газу ушли к окраине. Там из конюшни Андрей вывел Березку, обуздан и без седла упал ей на спину, и Березка понесла его по жнивью.

Старший брат Александр и младший Сергей с восхищением смотрели, как ушел в потемки на кобыле Андрей (Андрей, видимо, любимец в семье). И Александр сказал, легко вздохнув (ему тридцать лет): «Вот я не смогу, как Андрей. Джигит».

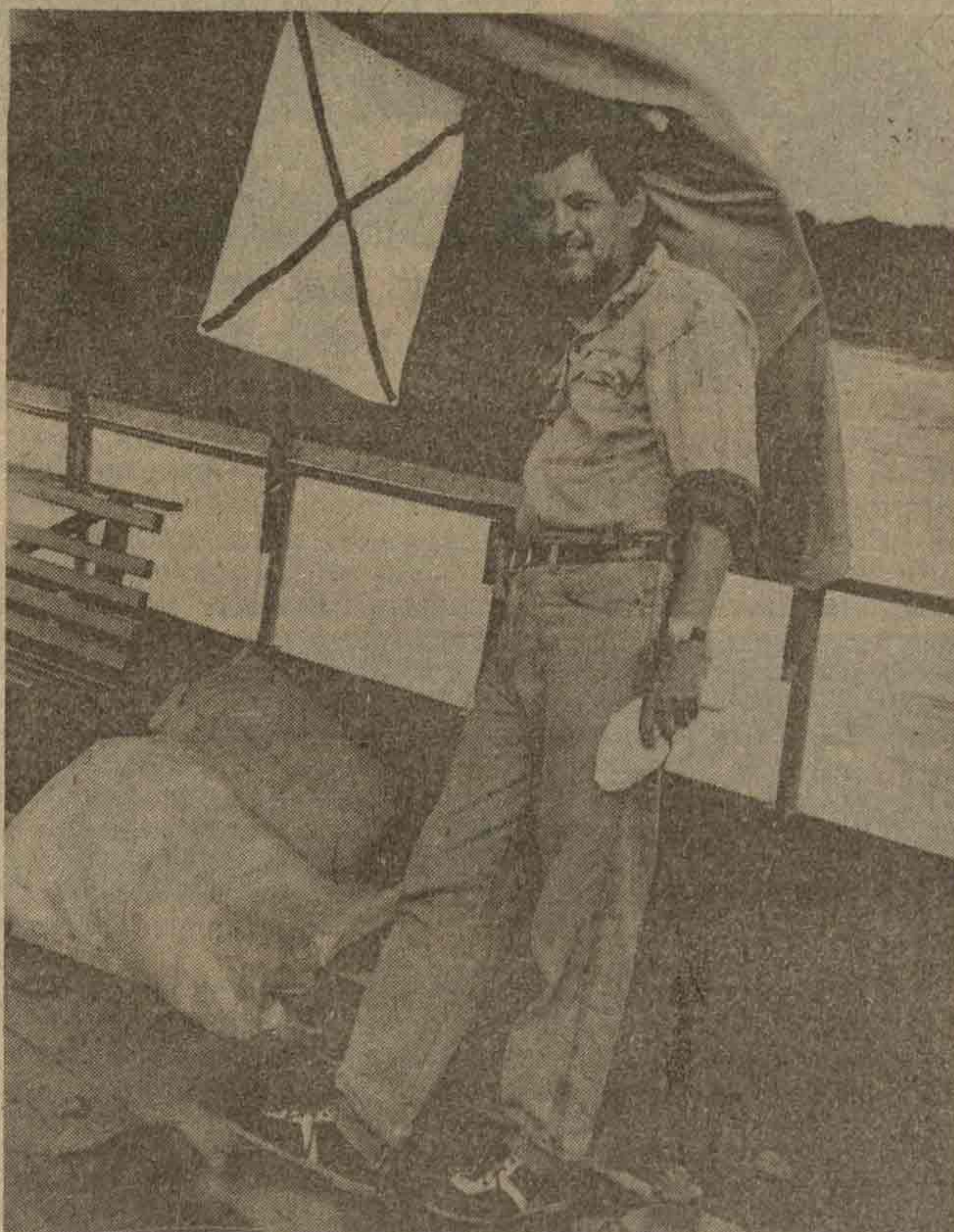
Я спросил его о белых казаках, знает ли он, помнит ли о предках, кто они и с кем были тогда. «Мы были белыми», — сказал он.

По шестнадцать часов в сутки работают братья, и все им мало, такие жадные до земли...

А между тем совсем темно стало на дворе, когда братья велели младшему отвезти меня к катеру. «Если вода пошла по мосту, лучше вернуться и переночуете у нас», — сказал Андрей.

Амур в эти дни опять стал вздуваться и подпирать мелкие речки и ручьи. Вот и Гуран поднялся, и когда мы подвезли к мосту, вода уже струями пошла через него. Но мы задрали колени и на малом газу перешли мост. Я просил Сергея повернуть домой, тут-то я уж сам доберусь по берегу реки. Нет, — младший сказал, — ему велено до катера доставить гостя, и он доставит.

На «Палтусе» наши смотрели на меня с улыб-

кой — видимо, я выглядел блаженным после свидания с братьями. Я лег и крепко уснул, благо накомарниками ребята перекрыли коврам дорогу в каюту. А утром думал о том, сколько понадобится времени, чтобы братья поднялись. Наверное, лет пять. И еще не менее пяти лет, чтобы стать независимыми, состоятельными. Им повезло, их трое, это сила.

Но когда они поднимутся, господа красные возбудят вопрос, отчего это братья Бронниковы богаты в то время, как большинство в станице сводит концы с концами в совхозе, дышащем на ладан. И никто не вспомнит о шестнадцати часах работы в сутки, ведь мы привыкли похода работать на себя, несерьезно, так как всегда осознавали, что нам не дадут стать собственниками. Ну, а раз так, то че и стараться. Но братья поверили в необратимость перемен, дай-то Бог устоять им и нам не отступить...

Надо полагать, на подходе к Благовещенску нас ждут более благополучные картины, еще думал я, согретый явлением Бронниковых. Все же областная столица, у нее и снабжение получше, и магазины побогаче, можно слетать на катере или на грузовой машине. Эх, как бы хотелось прийти в станицу богатую, работающую, веселую не натужным (пьяным) весельем, песенную. Говорят, Сергеевка именно такое село. И еще в Сергеевке хранится казачья шапка, переданная на хранение в школу, значит, жизнь в Сергеевке более обустроена. Увы...

Вот какой сюжет слепился к часу нашего приплыва в Сергеевку. «Палтус», сбрасывая обороты, подгрел к высокому берегу. Амур продолжал пугать наводнением и все прибывал. На берегу за изгородью колючей проволокой стояли мужики и тревожно переговаривались. Я понял, они прикидывают, не придется ли вязать углы дома. Местное это изречение означает напрямую — канатами к колям вяжут углы, чтобы напором воды не стащило дом с фундамента. Да, но нет лодок, их как уничтожили приказом двадцать лет назад, так и не восстановили. Как будут люди-то спасаться? На военные вертолеты? Но не хватит вертолетов на весь русский берег.

Белое полотнище нашего флага привлекло внимание мужиков, они сгрудились возле запертой калитки. Мы пришвартовались, выбросили трап и сошли на берег.

Я шел первым, за мной — историки и эколог. Я обратил внимание — когда мы подошли к запретной полосе и ступили на нее, направляясь к калитке, мужики стали пятиться и дико взирая даже не на нас, а на нашу обувь. А когда мы нарушили табу, ступили и пошли по вспаханной полосе, раздались голоса:

— Эвон, гляди, идут!
А когда я тронул рукой замок на калитке, опять вскричали сергеевцы:
— Да кто вы, что не боитесь?

Показав на солидного Алексея Егоровича Падалко, я отвечал, что это губернатор края и он приехал разбираться, отчего в заперти живет народ. Мужики с чрезвычайным почтением взирали на большегрузного нашего натуралиста и эколога, а он подобающе губернатору грозно смотрел на берег, на запертые ворота, трогал тоже замок и проволоку, даже не догадываясь, что срывает сигнализацию. А сигнализация сработала, с заставы сорвался вооруженный наряд во главе с офицером. Но пока пограничники мчались на джипе, я продолжал через проволоку говорить с мужиками, объяснил им, откуда мы идем («От Шилки!» — восхищенно переспросили мужики), и куда, и зачем. Вдруг я увидел, что Алексей Егорович Падалко, оказавшись, сошел на берег босиком, винь ли, ему захотелось подошвами ног ощутить горячую полосу запретки, — и я рассмеялся: хороши босой губернатор!

Тут-то подошла боевая машина, солдаты с автоматами подбежали, как в кино, к нам. А мужики отпрянули в испуге.

Был ли осведомлен майор Михаил Сенько о том, кто мы такие? Был прекрасен осведомлен. Но ему хотелось со скуки покуражиться и, воспользовавшись моментом, лишней раз пугнуть мужиков. Я попросил его отпереть калитку и подняться на борт «Палтуса». — «Нет», — твердым голосом отвечал майор.

Тогда мы ушли на катер и стали варить чай...

Впрочем, оставим сей случай, не первый, да и не последний, поди. Скоро мы разойдемся по Сергеевке, подолгу будем беседовать с руководителями хозяйства и с жителями. Случай с «губернатором» забудется, пограничники нас полюбят, ибо ненавидеть нас не за что.

Здесьняя беда — наркомания. Эпидемия эта началась сравнительно недавно, года четыре назад, новые переселенцы стали охотиться за коноплей и маком, научили молодых этой заразе. А ранее никто и внимания не обращал на конопельку.

Запомнилась откровенная беседа с учителями Натальей Рудольфовой Стародубовой, она филолог, хотя преподает в младших классах, и Любовью Петровой Овдеенко, она историк и литератор. Идет генетическое вырождение, пьянство проникает во все возрастные категории. Разврат уже среди женщин, нарожавших детей. Теперь ядовитым цветом поднимается наркомания. Жестокость среди подростков, даже среди малолетних...

Но здесь пока остановим перо.

Участники экспедиции. Крайний слева — автор, Б. Черных, третий — эколог, свободновец А. Падалко.